

ГЛАВА III

Теология, любовь, трубадуры и миннезингеры

Я приступаю к легенде о Граале, в особенности версии, изложенной в эпической поэме Вольфрама фон Эшенбаха «*Парцифаль*» (1210). Я считаю ее одним из величайших мифов современного европейского мира. Европейский менталитет в нашем понимании сформировался в светской литературе и мифологии между 1150 и 1250 годом. Это столетие было очень важным. Именно тогда возводятся грандиозные соборы и расцветают романы о короле Артуре. До той поры нам о них ничего не известно; позднее их тоже нет.

В это время европейский мир пробуждался ото сна, в мрачную бездну которого был погружен на протяжении пятисот лет. Римская империя достигла границ Шотландии вскоре после завоевания Юлием Цезарем Галлии. Итак, Римская империя находилась на высокой ступени развития. В этом легко можно убедиться: достаточно посетить римские руины в городе Бат в Англии, а также памятники истории тех времен в Испании, Франции и вдоль берегов Рейна в Германии. В римский мир того периода активно проникали мистические культы, процветавшие в поздней Александрии на Ближнем Востоке: мистерии орфиков, Митры, дионисийские мистерии и др. Мы находим огромное количество алтарей Митры на всем пути вдоль берегов Дуная, во Франции и в Англии, а также развалины строений, связанных с орфическими культурами на территории всей Европы того времени.

Как известно, на заре христианства оно ассоциировалось в античном мире с мистическими культурами; его мифология, его *чудо* было, по сути, равносильно мистериям. В начале IV века император Константин признал христианство как одну из религий римского мира. Но вскоре после этого Феодосий I объявил христианство единственной до-

зволенной религией. Величественные античные храмы были стерты с лица земли. Все языческие храмы на Ближнем Востоке и в Европе превратились в руины не сами собой. Сожжение библиотеки в Александрии, закрытие школ античной философии в Афинах — вот что последовало за этим.

Между тем христианская доктрина столкнулась с серьезными теологическими проблемами, которые разрешались на множестве соборов. Они собирались в IV — начале VI века в Халцедоне, Эфесе, Константинополе и так далее. Я имею в виду отношение Сына к Отцу, а также Святого Духа к Отцу и Сыну, проблему Рождения Христа — была ли Мария Матерью Божией или просто матерью смертного Христа? Принял ли Христос Святой Дух в момент своего крещения или нес его в себе с самого рождения? И тому подобное. Все эти сложные и запутанные проблемы разрешались на соборах епископов Леванта. Маловероятно, чтобы там присутствовали представители Европы.

Центром Римской империи стал Константинополь. Это азиатский, а не европейский город. В то время европейский мир считался второстепенным. Конечно, Римская империя на территории Европы пала уже полтора века спустя после своего обращения в христианство, и Блаженному Августину пришлось искать аргументы для объяснения причины этого бедствия, которые он изложил в своем труде *«О Граде Божьем»*. Августин был родом из Северной Африки, так что он тоже не европеец.

Тем временем процветали многочисленные ереси, две из которых остались актуальными до наших дней. Первая из них — пелагианство. Пелагий был ирландским монахом (и вот мы в Европе). Суть пелагианства такова: никто не может унаследовать чужой грех. Следовательно, человечество не унаследовало грех Адама, поэтому доктрина первородного греха не имеет смысла, то есть человечество не нуждается в спасении от первородного греха. Человек может спастись сам, и церковные таинства ему не нужны.

Пелагий верил, что иметь Христа в качестве образца для подражания очень полезно для всего христианского мира, потому что через эту модель человек сможет спастись из бездны невежества. Но спасется он не благодаря чуждой ему Благодати, которая исходит от распятого Христа, спасение приходит благодаря собственной воле человека.

На эту великую ересь обрушилась критика Блаженного Августина. Без первородного греха, без тяжкого его наследия вся доктрина, оправдывающая необходимость воплощения Бога в теле человеческом, становится весьма сомнительной. Однако с индивидуалистической точки зрения (а именно таков, по моему мнению, европейский менталитет) невозможно размышлять об унаследованном народом грехе. Таким образом, мы оказываемся в трудной ситуации. Это первое.

Вторая великая ересь — донатизм. Хотя его последователи и признавали необходимость церковных таинств, они считали, что если их исполняет недостойный священнослужитель, значит, силы они иметь не будут. Возникает невероятно сложная проблема, поскольку получается, что исполнение святых таинств постоянно может вызывать сомнения: кто же знает, насколько чисты моральные качества служителя церкви? И снова Августин опровергает донатизм с его доктриной о беспорочности святых таинств: он утверждал, что независимо от характера священника причастие действует.

Итак, перед нами официальная доктрина, утверждающая абсолютную необходимость церковных таинств ради спасения души, поскольку человек, обремененный первородным грехом, сам себя спасти не сможет. Разрушить этот грех может только Христос силой своей святости, доступной лишь приобщенному к таинствам церкви человеку. В соответствии с этой доктриной человеку необходимо принять церковные таинства, лишь Церковь имеет право осуществлять их, и она же наделяет духовенство абсолютной свободой действий. Возможно, в V–VI веках это было приемлемо, но в XII столетии духовенство было известно своим растленным поведением. Даже папа римский Иннокентий III называл священников стадом свиней. Они недостойно вели себя, но все же именно в их руках находились ключи от рая — и все должны были им подчиняться.

Проблема недостойного поведения церковнослужителей и то, что они навязывали другим людям свои убеждения, привела к ужасному духовному кризису, который символически выражается в мифологическом образе Бесплодной земли (основной мотив романов о Святом Граале).

Главный герой романов о Граале — Король-Рыбак. Христос сказал: «Я сделаю вас ловцами человеков». Кольцо папы римского называется

кольцом рыбака, и на нем изображен ловец рыб. Король-Рыбак был тяжело ранен, из-за чего его страна погрузилась в запустение. Основная задача в романах о Граале состоит в исцелении Короля-Рыбака. Цель героя, который ищет Грааль, именно в этом и заключается, но ему предстоит выполнить свою задачу, не представляя, как это делается. Его душа должна быть абсолютно невинна, ему не известны правила поиска решения. И он должен постоянно вопрошать: «Что происходит?»

В Средневековье были приняты браки по расчету, освященные церковными таинствами, которые исполняли священники. Любовь ставила это под угрозу. Женщину называли вратами ада из-за ее обольстительных прелестей, а любовь к ней была опасна. Реакцией аристократов на ставший нормой в обществе брак без любви, освященный церковью, явилась поэзия трубадуров, провозглашающая идеалы любви.

Мне хотелось бы рассказать немного об идеалах любви, принятых в то время. В христианской традиции существовало два противоречивых представления о любви: любовь как *eros*, то есть страсть, и любовь как *agapē* — любовь духовная, о которой говорят: «Возлюби ближнего как самого себя». Суть *agapē* состоит в том, что вам не дано выбирать, кого любить, ведь любовь Христа изливается на всех без исключения.

Eros, антипод *agapē*, по сути своей тоже безличен; это всего лишь физическое влечение. Это чисто биология, ничего личного в ней нет. А во время великих празднеств оргии были типичным проявлением этого, когда совсем неважно, кто вам встретился, лишь бы противоположного пола, и существовал ряд культовых ситуаций, где подобное поведение являлось весьма распространенным. Так что любовь была в сущности обезличенной.

Трубадуры были приверженцами совершенно иной любви, не имевшей ничего общего с этими двумя. Это была любовь третьего вида, так сказать, не любовь под покровом мрака. Провансальский трубадур Гираут де Борнейль, расцвет творчества которого пришелся на середину и конец XII века, был главным выразителем идеала поэзии трубадуров. В его стихах шел долгий спор со множеством аргументов,

где выяснялось, что же является главным источником любви — глаза или сердце?

Борнейль синтезировал две традиции следующим образом. Любовь, заявлял он, рождается *и* в глазах, *и* в сердце. Глаза — это разведчики, которых посылает сердце. Они ищут подходящий объект для любви, выбирают. При этом они избирательны, зависят от личного выбора, для них существует элита. Найдя подходящий образ, глаза рекомендуют его сердцу. Но не любому сердцу, а лишь сердцу возвышенному, нежному, «куртуазному» сердцу, способному на истинную любовь; здесь и речи не может быть о похоти. И если эти трое — два глаза и сердце — в согласии друг с другом, только тогда рождается любовь. Любовь индивидуальна. Глаза ищут в окружающем мире объект, достойный вдохновения, а сердце принимает в себя его образ, который становится объектом поклонения конкретного человека¹.

В это время в Испании, у самой границы с Провансом, а также на Сицилии и на Ближнем Востоке процветало суфийское учение, мистическое направление ислама, на которое огромное влияние оказали учения из Индии. Индия на тот момент переживает расцвет эротических мистических культов, что находит выражение в великой поэме «Гита Говинда» («*Песнь о стаде коров*») Джаядевы, где повествуется о любви Кришны к Радхе. Эта поэма была создана около 1172 года, примерно в то же время, что и легенды о Тристане. Тогда же при дворе Фудзивара в Киото, в Японии, придворная дама по имени Мурасаки написала «*Повесть о принце Гэндзи*»; тема любви (*aware*) у японских аристократов ассоциировалась с любовью космической.

На Востоке считается, что в любви женщина становится сосудом, содержащим сверхъестественную силу, а в Европе преклоняются перед самой женщиной, а не символом чего бы то ни было. Более того, на Востоке женщина часто находится в униженном положении — не в Японии, а в Индии и в суфийском мире. Эту утрату связи с установленным общественным порядком объясняют погружением человека в мир божественных сил, в область священного, где не действуют никакие социальные нормы. В Европе, где поклонялись именно женщине, все не так: она занимала в обществе положение, как минимум равное поэту или тому, кто почитал ее.